ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

2. ЭТОТ БЕЗЗАЩИТНЫЙ СУРОВЫЙ МИР

5. ГАЛЕРЕЯ ФОРТУНЫ

Вторую неделю работает в Кутукском урочище экспедиция "Кутук-Сумган-83". В ее составе представители Усть-Каменогорска, Алма-Аты, Лениногорска, Актюбинска, Белоусовки. В составе "генералитета" председатель республиканской спелео-комиссии Казахстана Владимир Толмачев и инструктор из Красноярска Виталий Заяц.

Виталий пришел на Кутук один, и первым, кто встретился ему у Сумганского ручья, оказался усть-каменогорец Виктор Фитисов. О той встрече Виктор рассказывал с присущим ему юмором:

– Выходит из лесу высоченный мужик с рюкзаком и говорит: "Здравствуй, я – заяц". Стою я и думаю – псих, наверно. Что бы и мне про себя такое сказать? "Здравствуй, а я – утка!" – что ли?

Смех – смехом, а помощь Виталия была очень кстати – в составе экспедиции, в большинстве своем, почти не обстрелянная на вертикалях молодежь, и мне, в роли руководителя и диспетчера работ, приходится туго.

Проложена веревочная "дорога" по стволу пропасти, сменяя друг друга, уходят под землю отделения. У каждого своя задача. Бесперебойно работает почта Старого Сумгана.

"Сумган – Земле" 8 июля 83г. 21-00.

Привет от жителей Сумгана всем, у кого над головой небо, а не каменюки! Костя, за день сделано следующее:

*1. Отделение 5 забросило на маршруту и установило три деревянные лестницы. Провесили веревку 9 метров с бревна, что на катушке *(92) в Глиняную систему. Веревка коротковата. Завтра поменяем на ту, что висит на отвесе от Кукольного театра. До лаза и ручья не дошли, промерзли и в 18-00 решили возвращаться в лагерь.*

2. Отделение 1 весь день копало траншею в конце Проспекта Геофака. Особых успехов нет, хотя и работали непрерывно. Вода из сифона Гуровой реки сливается, шланга не хватает, но уровень воды понизился.

3. Отделение 2 проткнуло глиняную пробку на ручье в Мокром зале за Кукольным театром. Сейчас там грязевый сифон. На той стороне прослушивается большая полость – гулкий звук, когда ногами пропихиваешь грязь на ту сторону. Нужно ведро или даже два для отчерпывания.

Лагерь мы поставили в зале Слона на стыке с Актовым залом. Работали в ручье, копали до полного отупения, огрязнения и замерзания. Сделали 60-70 % работы. Сейчас работает вторая смена.

*Мы страдаем страшным склерозом. Мы забыли в НБЛ (*93) асботкань для примусов, штормовку Игоря и посуду Виталия. Прошу прислать утренней связью. Приносим свои извинения за такой бардак. Все. Шакалов.*

P.S. Костя, как здесь здорово! Господи!

P.P.S. Игорек доработался в пещере до того, что сказал: "Сейчас залезу в спальник и в темноте перемотаю пленку". Каково!"

"Земля – Сумгану":

Итак, вы с Женей Зининым и Олей Романовой идете на Нижний ярус. Посылаю вам крючья. Пойдете, как договорились, через колодец Вейса. По Основному сейчас падает лед, вчера грохнуло. Так что опасно.

*Под колодцем Вейса – озеро, глубоко. Не мерил, но больше метра. Веревка на спуске приводит прямо в центр этого озера, так что приходится изрядно попотеть, пока с вису дотянешься до края гура. Потом оттянете веревку на карстовый мост (*94) и спускайтесь прямо туда.*

*Дальше пойдете вниз прямо по гурам, не сворачивая ни вправо, ни влево, – в самый узкий, но высокий ход. Он весь зарос коричневыми кораллитами (*95). Оттуда по глине вниз – попадете к Ниагаре – такой громадный белоснежный каскадный натек. Обойдя его справа, найдете низкий грязный лаз – вход в зал Храм. Это надо*

смотреть! Когда мы попали туда впервые, хоть и мокро, ходили по натеку в носках – глаза слепило белизной.

Если от Ниагары идти вниз по ручью, выйдешь к Реке. Ходите только по широким ходам, запоминайте дорогу назад.

Вправо от Ниагары длинная глиняная галерея приведет в зал Ворота в Рай. Вы его узнаете по огромным аркообразным белым натекам на стенах зала. Отсюда вверх – в Актовый зал Верхнего яруса, поднимается Туманный колодец. Это совсем рядом с нашей базой в Актовом, иногда можно докричаться до ребят. А какое там эхо!

Отсюда можно выйти в Основной шахте и в Ледяной зал.

Володя и Вадим пусть копают штольню, взяв перекус. Если сломают лопату – на связи поднимете. Напоминаю – вечерняя связь в 22-00. Ждем вестей! Серафимов".

"Сумган – Земле:
Пришлите, пожалуйста, свечи! Мы дожигаем последние.
И не очень маленький кусочек сыра тоже пришлите.
Лопатная бригада № 1. Главный лопатник Петров".

"Земля – Сумгану: Посылка.
Куда: г.Сумган. БЕСЦЕННАЯ.
площадь Актовый зал НЕТТО: 10 кг
Кому: Пещерным людям. БРУТТО: 0,5 кг
Хранить в сухом, светлом и теплом месте!

Откуда: г.Сверху.
От кого: от Ждущих, Страждущих, Верящих, Надеющихся и всегда СКУЧАЮЩИХ. 18 июля 1983 г.
Девчонки".

"Сумган – Земле:
Вечерней связью посылаю вам кусочек моего любящего Сердца! Ирка".

"Земля – Сумгану:
Петрову. Мне кажется, что нужно полнее использовать женский труд. А то девушки скучают.

Особо Ирке: Не разбазаривай сердце! Вчера еле вытащили, а сегодня Игорь сказал: "О! Опять тяжело пошло, сейчас кусочек селезенки пришлет!"

Удачи!
Земля.
P.S. Копать, копать и копать!"

* * *

Копать, копать и копать.

Спелеология – это не всегда стремительные спуски и увлекательные приключения. Прежде всего, это тяжелый и зачастую далеко не поэтичный труд.

Еще раз заглянем в справочник:

"... На северо-восток от Актового зала отходит широкая галерея, приводящая на Эверест – высокий холмообразный глинистый намыв. Далее она спускается в том же направлении, в 300 м к востоку от начала сужается и поворачивает на запад, а затем – в обратном направлении. Протяженность Большого кольца (без ответвлений) превышает 1,1 км. Теперь этот участок достаточно сух, а в прошлом здесь бушевала подземная река, о чем свидетельствуют мощные отложения глины на полу и крупные окатанные валуны диаметром до 1 метра".

Это данные 1971 года. Сумган-Кутук был обнаружен геологической партией А.И.Олли и Р.Э.Алксне совсем, в общем-то, недавно – в 1960 году. Даже удивительно для такой огромной пещеры, вход в которую не мог не привлечь внимания местных жителей. Видимо, эту дату следует понимать в аспекте спелеологического открытия.

Только через пять лет после Олли первые исследователи ступили на дно пропасти. Это была экспедиция Башкирского госуниверситета под руководством Е.Богдановича и М.Чванова (*96).

Затем усилиями свердловской городской спелеосекции была составлена карта более 8-ми километров ходов – ею мы пользуемся и сейчас при сопоставлении результатов.

* * *

Эверест – почти 40-метровой высоты, покрытый скользкой глиной, перевал огромной галереи. Глиняная гора на перевале почти смыкается с потолком, оставляя только узкий лаз на самом верху. Далее за перевалом, столь же круто, как только что поднималась, галерея резко идет вниз. Так родилась гипотеза о наличии восходящего над вершиной Эвереста колодца, откуда, якобы, некогда натекла эта мощная глина.

Однако осмотр вершины Эвереста не дал ей подтверждения. Глина упирается в сплошной каменный купол, исчерченный параллельными продолговатыми бороздами. Какими-то очень знакомыми бороздами!..

За узким лазом на вершине спуск с Эвереста приводит на Проспект Геофака. Просторная, прямоугольная в сечении, галерея сначала довольно круто, затем все положе стремится вниз – настоящее метро на глубине в добрую сотню метров от поверхности Кутукского урочища. Скупо украшенный натечными образованиями, Геофак тем не менее очаровывает путника некоей мужественной сдержанностью облика, в духе утонченного вкуса истинных ценителей красоты. Эти слова можно отнести и всему Сумгану – все здесь мощно, но без излишеств.

Чем дальше вниз – тем шире, грандиознее галерея. Остается слева единственное ответвление – черная арка начала хода Змеевик. За ним галерея постепенно расширяется метров до тридцати. Но все ниже становятся ее выглаженные водой своды. Пригибаем головы, затем ненадолго распрямляемся. Здесь еще можно идти в рост, лавируя каской вдоль знакомых по Эвересту продольных борозд на потолке. Все чаще встречаются углубления с своде в виде перевернутых полусфер разного диаметра.

И вдруг – все. Конец!

Глаз отказывается верить, что эта величавая галерея кончилась. Потолок полого ныряет вниз, смыкаясь с глиной. На полу сухой окаменелый глиняный такыр. И только тонкая щелочка между ним и потолком.

Сколько раз, утыкаясь в этот обидный тупик, лежали мы на холодной глине, пытаясь заглянуть в черную щель...

* * *

Как возникла галерея Геофака?

Здесь текла река. Откуда и куда?

На первый взгляд – все кажется понятным: вода текла сверху вниз – с Эвереста в этот грандиозный тупик, и... выбила в скале такое впечатляющее русло, чтобы бесследно исчезнуть?

Невероятно.

Здесь пещера должна иметь продолжение.

* * *

Возможен ли в принципе такой прогноз? Можно ли предсказать существование неизвестных пока пещерных ходов?

Пещера живет. Все происходящие в ней процессы накладывают на ее облик те или иные отпечатки. Если суметь распознать эти следы, сопоставить между собой и раскодировать полученные результаты – тогда есть надежда выявить перспективные направления дальнейшего поиска продолжений пещеры.

Основа основ изучения подземных полостей – их топографическая съемка. Ее результат – карта пещерных лабиринтов.

Построение разреза-развертки маршрута от входа в пропасть до тупика в конце галереи Геофака заставило нас буквально подскочить. До этого момента нам представлялось, что Большое кольцо относится к Верхнему ярусу пещеры, сообщенному с Нижним тремя без малого 40-метровыми колодцами: Основным, Туманным и колодцем Вейса. Правда, еще свердловские съемки выявили наклонный характер ярусов Сумгана. Это означало, что некоторые системы ходов Нижнего яруса по абсолютному уровню находятся чуть ли не выше отдельных частей Верхнего яруса. Обе 5-километровые системы пустот Верхнего и Нижнего ярусов ниспадают к подземной реке. Побуйствовав на Верхнем отведенное ей природой число тысячелетий, река каким-то образом перебралась на Нижний. Но каким?

Так вот – на построенном нами чертеже галерея Геофака опускалась почти на уровень реки! Получалось, что, стоя на такыре таинственного тупика, мы фактически находились в двух-трех метрах над современным потоком – коллектором, дреной всего Кутукского урочища.

Догадку надо было как-то проверить.

* * *

Бродя по Геофаку, в сотый раз всматриваясь в топографические планы и разрезы, мы не могли отделаться от ощущения, что чего-то недопонимаем, в чем-то делаем большую ошибку. Что-то было явно не так, прямо в глаза лезло, но упорно не давалось осознанию.

И вдруг – прорезалось, осенило: а что, если все наоборот? Река-то текла – да не туда, не в ту сторону! Не вниз с Эвереста, а вверх. И не пропадала она в злополучном просторном тупике, а появлялась и под напором текла вверх по этой грандиозной фреатической галерее, поднимаясь, таким образом, на добрых 80 метров!

Стоило взять за основу эту гипотезу, как все сразу как бы встало на свои места.

Поток переваливал через Эверест со стороны Проспекта Геофакаи и устремлялся вниз – к Актовому залу и Туманному колодцу. Безусловно, что при этом вся галерея Геофака должна была быть заполнена водой до потолка. Иначе трудно представить себе напорный поток. И тогда понятными становились и загадочные следы-борозды на потолке. и глина, вознесенная рекой к вершине Эвереста, и куполообразные углубления в сводах.

Итак, мы находимся в древнем русле коллектора Кутукского урочища? Что ж, многое говорит за это.

А современные русла на поверхности спрессованной временем глины – это уже потом, позже. Текли ручейки по древнему пути своего могучего предка, текли, как им и полагалось, под горку, в обратную прежнему направлению потока сторону. И исчезали в тупике Геофака. Куда? Наверняка туда, откуда когда-то вытекал этот гипотетический напорный поток-река!

Догадки – догадками, но как проверить их правильность, если не попытаться посмотреть своими глазами?

* * *

Вот уже неделю, сменяя друг друга, отделения вгрызаются в каменную глину тупика Геофака.

Саперные лопатки и совки. Ход нужно рыть достаточно свободным, чтобы орудовать шанцевым инструментом, но и не слишком просторным, дабы не выгребать лишние кубометры.

Постепенно постигаем премудрости древних рудокопов. Согнувшись в три погибели, стоя на четвереньках, забойщик долбит целину, сгребает добычу в пудовое от налипшей глины ведро, потом маневром фокусника пропихивает ведро назад – высыпающему. Высыпающий натягивает на ведро транспортный мешок и вытряхивает в него глину. Два ведра – и мешок готов для выемки.

Команда "Пошел!" Толстенной от налипшей глины веревкой вытяжные – один или двое, тянут мешок по штольне к выходу, чтобы высыпать "руду" в отвал.

Мы ведем штольню вдоль едва заметного желоба на потолке, в котором сохраняется более толстая прослойка воздуха над подступающей к сводам глиной. Этакий специфический полуоткрытый глиняный сифон. По всей поверхности такыра вокруг потолок не смыкается с глиной совсем – черные щели между глиной и камнем где больше, где меньше, в среднем – сантиметров пять-шесть, и это вселяет оптимизм.

Восемь часов работы с небольшим перекусом в середине смены. Забойщик в поту, остальные – в инее.

Для поддержания настроения обмениваемся репликами, которые мгновенно пробегают по цепочке работающих.

Саша Гановичев:

– Шеф! Как назовем новый проспект?

– Как назовем? – отзываюсь я.

– "Какин ход!" – бурчит из забоя весь облепленный глиной Леха Васюков.

– ...!

– Леха! Сидя в этой шклевотине, я, кажется, изобрел новый корабль.

– Какой?
– "Шклевонтина".
– А-а, в таком случае я знаю, как называется его капитан...
– Ну, и как?
– Шклипер!

Тянутся часы. Все уже устали. Наконец, Васюков не выдерживает:
– Начальник! Темнеет! Пора на ужин.
Но я еще полон упорства:
– Ничего! Будем работать при свечах!
Хохот гулким эхом отдается по Геофаку.
Говорят, что здесь самое теплое место в пещере: +6 и довольно сухо. Но холод пробирает не на шутку. Здесь в особой цене те, кто способен работать, сохраняя чувство юмора, "не взирая на...". Благо, в этом отношении народ у нас подобрался удачно.
Между ударами лопатой угадываю позади чей-то голос. Травят очередной анекдот:
– Мужик один, из нашего брата, вышел в зал, вроде Актового. Кричит:
"Э-эй!"
Эхо:
– Э-эй!
Мужик:
– Э-эй!
Эхо:
– Э-эй!
Мужик:
– Э-эй!
Эхо:
– Да надоел уже!

* * *

Да-а... Провести трудовой отпуск в тесном холодном забое, глине и сырости, у черта на рогах...
О таком говорят: "В бане кому скажи – шайками закидают!"
А побудила нас к этому занятию одна единственная фраза, причем оброненная женщиной.
Как-то, еще в Москве, на одном из спелеосборищ, когда, как обычно, разговор коснулся Сумгана, Вовчик Свистунов заметил:
– Чухрова-то Ольга, знаешь, что говорит? Дует там, в конце Геофака.
– Чего-чего? А ну повтори?
– ДУЕТ ТАМ, В КОНЦЕ ГЕОФАКА.
– Дует?
– Божится, что дует. Полчаса лежала, говорит. Слабенько, но подувает.
Дыхание пещеры!
Дует? Не может быть! Я сам лежал как-то у этой щели и ничего не чувствовал.

* * *

Чухрова оказалась права.
Теперь, в штольне, которая постепенно удлиняется, нет-нет да и проскользнет легкое дуновение. Колыхнет язычок свечи, и снова непонятно – дует, нет?
Есть какой-то ток воздуха. Но слабый и странно меняющий направление.
Лишь бы был! Хоть какой-нибудь! Ну, и то, что мы здесь еще не задохнулись, тоже подтверждает наличие кое-какой естественной вентиляции.
К концу десятого дня раскопок штольня вытянулась на добрых 25 метров и вслед за бороздой на потолке изогнулась двумя поворотами вправо и влево. Полого, но штольня шла вниз. И глина по урезу траншеи все плотнее смыкалась с потолком. Но – так и не сомкнулась совсем. Правда, теперь заглянуть вперед уже не удавалось – потолок с путеводным желобом прижимал каску, голову, не давал глазам приподняться на уровень щели.
На десятый день работ отделение Ербола Курмангалиева – "люди Ербола", как окрестили бригаду в экспедиции, – вынуло последний мешок глины и завершило работы "по причине невозможности их продолжения".
Нет, глина отламывалась не хуже и не лучше, чем в первые дни, и желоб все также шел по потолку, и даже подувало все с той же силой, но – кончился запал.

Да и экспедиция близилась к концу.
Побросав в штольне лопаты и ведра, люди Ербола отступили.

* * *

Где лежат самые красивые места пещеры? Ну, конечно же – за самым мерзостным шкуродером! Тот, кто не новичок в кейвинге, знает.

Это гипербола, но все же. Память человека, его чувства прекрасно устроены. Со временем из памяти уходит плохое, и вспоминаются, прежде всего, минуты радости, добытые на грани возможного. А жизнь, будто специально, подсовывает ситуации, когда проблема выбора встает ребром, шилом: продолжать или отступить?

Отступить можно почти всегда. Речь не идет о тех, у кого нет выбора. Их мужество стоит в другом измерении. Но простишь ли себе, что выбрал отступление и не сделал того единственного усилия, за которым открывалась Победа?

Если бы знать, что еще шаг, и ты у цели – отдал бы последнее и шагнул. Если бы знать!

Чаще – исход неизвестен. Вот тут-то и вступает в силу закон Упорства и Удачи. Давно замечено, что красотка Фортуна неравнодушна к настойчивым и упорным, идущим вперед наперекор бессилию, банальной логике, "очевидной" бессмысленности дальнейших усилий.

Конечно, среди нас было немало тех, кто сожалел о проведенных в штольне днях. Рыть проклятую глину вместо прекрасных ощущений в скитаниях по Сумгану? Они отрабатывали без веры в успех – кто в силу природной добросовестности, кто из-за обстоятельств: просто деваться было некуда.

Что греха таить, к концу экспедиции надежд на удачу в Геофаке у большинства из нас почти не осталось. И только единицы с неослабевающей решимостью рвались вперед. Два, максимум три, метра проходки в смену позволили продвинуться за 10 дней довольно далеко. Но...

Люди Ербола сообщили, что потолок "сел" на глину, и надежд нет. Это подкосило даже самых упорных.

* * *

А время поджимало. Как неожиданно кончаются экспедиции!

Будто только еще ложились на бумагу четкие цифры раскладок, и накатывала долгожданная дорога: в стуке колес, в гуле двигателей, в суматохе погрузок и выгрузок, в хриплом дыхании перевалов, в дымной тесноте ночевок...

И первая после разлуки встреча с Пропастью, штурм – не штурм: работа. Азарт и усталость, надежды и разочарования.

Где мелькнул тот невидимый поворот?

...Будто с невидимой горки, экспедиция уже катится к завершению – все быстрее и быстрее.

* * *

И вот – мы уходим.

Последний вечер в Сумгане, хруст сухарей, запахи заветного ужина, сваренного из всех остатков на последнем бензине. И органными аккордами гудит под сводами Актового зала гитара – Гановичев пробует новую песню:

Ну, вот и все, Сумган,
Последних метров грусть,
Снимается навеска – мы уходим...
А ждут меня –
Рюкзак и дальний путь.
Прощай, Сумган, недолги сборы – мы уходим. *(97)

* * *

Утром по связи передали – наверху дождь. Грустно выходить из пропасти в непогоду, когда так хочется солнышка. Но делать нечего. Ребята молчаливо сворачивают лагерь, пакуют мешки, челноком подтаскивают груз ко дну входного отвеса. Снежный конус съежился, почернел, и здорово подтаяли над нашими головами леднички, что так и ждут пока своего часа.

– Саша, а ведь в Штольне снаряжение после Ербола не забрали?

– Похоже, нет.

– Вот черт, придется идти. Не оставлять же – растащат туристы.

До чего же не хочется тащиться через Эверест! Еще никому не удавалось взобраться на него сухим – не вспотев и не перемазавшись в глине.

Иду первым, слыша за собой дыхание Гановичева. На самом перевале, где приходится ползти через глиняный лаз, почудилась впереди тонкая женская фигурка в белом: лежит на спине, смотрит в источенный лунками потолок. До того четко увидел, что даже остановился и мотнул головой – галлюцинация!

Потолок поднялся. Скатываемся с глиняной горы, сотрясаем шагами своды. А вот и Гуровая река...

Хребет Динозавра – глиняный горб в средней части галереи, по которому мы идем, развилка в Змеевик...

Каждый раз, уходя отсюда, думаю – вернемся ли? Если исчезнет надежда на продолжение пещеры, то едва ли. Кто это сказал: "В мире слишком много дорог, чтобы проходить их дважды?"

Штольня. Пока Саша сматывает вытяжную веревку, лезу за лопатами. Неплохо поработали! Вот и забой. Действительно, глина почти смыкается с потолком. Да... Надежды не оправдались.

Откуда же приходила река? Неужели через сеть непроходимых для человека трещин?

Но ведь дует же откуда-то!

Машинально пытаюсь заглянуть в крохотный зазор между глиной и потолком. Мешает каска. Долой!

...Что-то там не так впереди. Мощусь, втискиваясь в потолок. Чернеет что-то. Что? Не понять, но сердце вдруг начинает колотиться быстрее. Хватаю лопату, торопливо сбиваю переднюю кромку глины. Впереди, буквально в двух метрах, зияет пустота! Свет не упирается в стену, не вязнет в бесконечной щели между глиной и потолком – он теряется в черноте, высвечивая только приземистую арку свода в двух метрах передо мной.

Ору Сашке. Он приползает вихрем. Кое-как пропускаю его мимо себя – вдвоем в штольне тесновато.

– Смотри! Ну? Что?

– Стена, вроде...

– Какая стена!?

Снова протискиваюсь к щели. Вот она – арка!

Смотрю на часы. Мысли – карусель! Сейчас наши начинают подъем. Значит, у нас есть еще часа четыре.

Надо копать!

Забываю о Земле, обо всем. Я уже знаю – мы сейчас пройдем. Куда? Не знаю. Но мы пройдем эти два метра! За ними неизвестность. В наших руках усилия всех этих дней.

Почему же Ербол не сказал о расширении? Не видели?

Не верили!

Пока Сашка бежит в лагерь предупредить, что мы задерживаемся, яростно вгрызаюсь в забой. Рою не штольню – лаз: лишь бы пролезть. Отгребаю глину прямо по ходу.

С каждой лопатой уверенность растет. Потолок явно идет вверх. Пытаюсь пролезть – узко. Комбинезон прилипает к глине. Вылезаю, долблю, отгребаю. Копаю и боюсь: а вдруг все зря, вдруг тупик?

Приползает Гановичев, начинает отгребать, проталкивать отвал дальше по штольне. Снова смотрю в щель, нет – уже в лаз! Похоже, пройду. Ложусь на спину и медленно вдавливаюсь в прокоп. Прохожу!!!

Рывок и я вываливаюсь в расширение. Низкий потолок широкой аркой идет дальше. Под ногами нетронутая глина. Кричу. Эха нет и в помине. Неужели все?

Сзади лезет Саша:

– Меня, меня подождите!

– Конечно! Слышь? Идет немного!

На душе неописуемо. Даже если все, тупик – это удача. Хоть куда-то, но прошли!

* * *

И вот мы вместе. Медленно, не веря глазам, на четвереньках ползем вперед.

Свод идет вверх. Галерея! Это настоящая галерея!

Вот уже идем в полный рост...

Оцепенение чувств сменяется бурной радостью. Что-то кричим, толкаем друг друга: смотри, смотри!

Впереди не то грот, не то расширение галереи. Здесь все точно, как в Геофаке – свод, словно юрта. Над нами идеальной формы вогнутый купол.

Озираемся. Потолок впереди снова снижается метров до трех. Эха по-прежнему нет.

Идем вперед, ожидая и боясь упереться в стену. Потолок все ниже, ниже и вдруг... взмывает вверх!

На нас обрушивается эхо. Какое эхо! Какой зал! Свет наших фонарей уходит вверх – серый потолок на высоте пятиэтажного дома. Эти округлые формы сводов, будто вдавленные назад по ходу – явный след напорных течений, завихрений потока.

Этот зал выше Геофака! А почему бы нет?

Наполняя грохотом зал, мы поем и кружимся, как дети.

Позже мы так и назовем этот зал "Пуркуа па" – "Почему бы нет!"

И вот снова бежим вперед по галерее. Пол катится под уклон, своды тоже. Так не хочется, чтобы это кончалось! Но... увы. Вот и все.

Стоим у стены, под которую уходит русло пересохшего ручья. Еще один сухой глиняный сифон. Теперь нас этим не испугаешь!

Оглядываюсь. Из тьмы зала к нам тянутся две цепочки удивительно четких следов. Обратного следа нет. Здесь только наши следы!

Обратно идем медленно, смакуя каждый шаг. Осматриваем каждую подробность. Мы – первые! До нас тут не был ни один человек на всей планете. И пусть наша удача мала – она наша!

Слышишь? Мы посвящаем нашу галерею тебе – Фортуна!

Пора идти. Страшно жаль, но пора. Дальнейшие раскопки – дело будущих экспедиций. Теперь уже никто не усомнится – стоит ли. А если усомнится, мы приведем его к Штольне, проведем по галерее Фортуны и расскажем эту историю. Как мы остановились в двух метрах от Удачи. И только потому, что не верили уже в успех.

И как все-таки победили.

А у Идола горят свечи...

* * *

Выхожу из Пропасти последним – прямо под серый дождь. Нас встречают. Все мокрые, грязные. Жмем друг другу руки. Вокруг счастливые лица: радость приправленная белой завистью – прошли! Весть об этом вихрем распространяется по Кутуку. Прошли! Не мы двое – Гановичев и я. МЫ прошли. Это успех всей экспедиции, всех, кто пришел сюда, поделив тяготы и работу. А нам с Саней просто немного повезло. Это – счастливый билет и... немного упорства. Того самого, что не хватило другим.

Того, что когда-то не хватило нам в Ленинской, а в результате радость открытия 80-метрового колодца за гротом Рудокопов досталась свердловчанам.

Того... да что вспоминать! Сегодня у нас праздник. Несмотря на дождь.

Снимаем навеску, и Сумган сразу становится строже...

И пусть закружит нас дороги хоровод,
Но на перронах шумных и в вагонах
Мы вспомним Ледяного синий лед
И Актового сумрачные своды.
И затуманит нас невнятная тоска,
И вспомнятся друзей чумазых лица,
И первый спуск, и над колодцем облака,
И тот Сумган, который только снится... (*98)

***92 КАТУШКА** – скользкий наклонный ход, спелеосленг.

***93 НБЛ** – наземный базовый лагерь.

***94 КАРСТОВЫЙ МОСТ** – обычно это остатки рухнувших перекрытий между подземными этажами; на поверхности – остатки пещеры в виде арки.

***95 КОРАЛЛИТЫ** – помимо озерных кораллитов, образующихся за счет выпадения солей из озерной воды при ее испарении, изменении температуры или других условий, в пещере часто встречаются пупырчатые ветвистые образования конденсационного происхождения или возникшие за счет разбрызгивания и последующего испарения тончайшей водяной пыли.

***96 Михаил Чванов** – башкирский писатель, получил, по всей видимости, тяжелые впечатления от первых экспедиций БГУ 65-66 г.г., если судить по его книге "Лестница в

небо", Башкирское книжное издательство, Уфа, 1975г., которая, будучи далеко не документальной, является, тем не менее, весьма колоритным и увлекательным повествованием о буднях спелеологов.
***97 А.Гановичев** "Прощание с Сумганом", Усть-Каменогорск, 1983г.
***98 А.Гановичев** "Дорога от Сумгана", Усть-Каменогорск, 1983г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com